

Жена

Автор:

[Катя Портнягина](#)

Жена

Катя Портнягина

Трансформатор

О Кате Портнягиной известно мало. Пожалуй, лишь то, что она является «женой Трансформатора», Дмитрия Портнягина, предпринимателя, бизнес-блогера № 1 в русскоязычном YouTube, основателя международного клуба предпринимателей. И всё.

Эта книга – выход из тени, на первый взгляд, хрупкой Кати, девочки из далекого Благовещенска, которая вышла замуж за никому не известного парня. Но, став женой и помогая мужу расти и развиваться, поддерживая его в периоды побед и в моменты кризисов, она стала для него настоящей музой, другом, соратником, полноправным «партнером по жизни». Она тот человек, благодаря которому он стал именно тем, кем стал.

Перед вами пронзительная книга о том, как быть заМУЖем, оставаясь при этом самодостаточной, сильной и волевой личностью, красивой женщиной, молодой мамой и самой главной женщиной в жизни мужчины – ЖЕНОЙ.

Катя Портнягина

Жена

Предисловие

Когда я наконец решилась написать эту книгу, то долго размышляла: какую ценность принесет она людям, прочитавшим ее? Боюсь, что у меня нет универсального ответа на этот вопрос. Наверное, я просто хотела поговорить с вами на очень сокровенные темы. Поговорить как женщина, как жена. Я хочу поделиться своим опытом, рассказав о решениях, которые принимала в определенные периоды жизни. О тех уроках, которые преподнесла мне жизнь. Именно поэтому в этой книге нет историй про «женщину-кошку», «женщину-хозяйку», «женщину – гуру секса» и иже с ними! Я как могла избегала в ней оценочности и старалась не давать каких-то советов. Все описанное здесь – это то, что я проживала в своей жизни, показанное через призму отношений к другим людям, отношения к самой себе.

Эта книга про доверие. Недавно я обсуждала со своими друзьями, почему мы выросли такими пробивными и самостоятельными. Тогда мы пришли к выводу, что росли как цветы в поле. Нас родили и отправили в какое-то собственное путешествие по жизни. Нам доверяли для того, чтобы мы становились более самостоятельными, и это всегда хорошо. Доверие – это когда ты выступаешь с маленьким ребенком на равных. Для мужа ты становишься мотивацией, когда веришь ему. В отношениях с друзьями это только укрепляет взаимоотношения.

Мой личный успех я всегда измеряла оценкой моих самых близких людей. Если у моего мужа Димы всегда было два главных желания – быть богатым и знаменитым, то я никогда не стремилась стать известной. Наверное, именно поэтому долгое время многие воспринимали меня только как жену Дмитрия Портнягина. Скажу честно, мне было очень комфортно находиться в его тени, потому что я больше про закрытый круг и женские ценности. Я развиваюсь по-своему: веду бизнес, руковожу женским сообществом, являюсь женой человека, который живет на огромных скоростях (что само по себе большой вызов). Однако пришло время что-то изменить и открыться всем тем, кто многие годы задавал мне вопросы относительно различных аспектов моей жизни.

Поэтому я и решилась написать эту книгу! Это можно сравнить с какой-то внутренней невидимой дверью, за которой мне хотелось стоять и наблюдать за всем, что происходит снаружи. Это история про «заслужить». Несмотря на то что мой самый главный «оценщик» – это мой муж, этот рассказ даже больше про самооценку. Это история про взаимное изучение друг друга и поиски подходов. Дима просто подошел ко мне с предложением: «Катя, расскажи свой личный опыт, я верю в его ценность». И я очень благодарна ему за это.

Возможно, та самая самокритичность, находящаяся внутри меня, не давала мне поверить в себя окончательно. Я сомневалась в том, что моя книга будет интересна. Даже вести свою собственную страницу в Instagram я не очень любила только лишь потому, что не была уверена, что кого-то это заинтересует. Я считала, что миллионы женщин живут так. Тем не менее мой внутренний непризнанный лидер, так или иначе, не давал мне покоя. И я решила написать эту книгу. Она об искренности, ответственности, прощении, уважении, отчаянии и любви. Наверное, настал тот момент, когда я могу рассказать о себе все. Наконец я готова выйти из тени. Привет, я Катя Портнягина!

Глава 1

Родом из детства

Наше детство очень сильно влияет на нашу дальнейшую жизнь. Кто бы что ни говорил, но именно тогда закладываются основы нашего восприятия мира, характер и основные «программы», которыми мы руководствуемся долгие годы. Любое переломное событие из ранних лет способно не только отложиться в памяти, но и повернуть нашу жизнь в определенное русло. Повлиять на наши приоритеты и цели.

Я родилась в Благовещенске. Мой родной город находится в одной из самых дальних точек нашей необъятной страны. Но, как ни странно, найти его на карте несложно. Просто веди пальцем по границе России с Китаем и рано или поздно наткнешься на Благовещенск. Через русло Амура (а это буквально полкилометра) – уже другая страна. На этом берегу говорят, преимущественно, на русском, а на противоположном – на китайском. С этой стороны – небольшой провинциальный Благовещенск, городок с населением в 250 тысяч человек. С

той – тоже небольшой (по китайским меркам) Хэйхэ, всего-то 1,7 млн человек.

Наше детство очень сильно влияет на нашу дальнейшую жизнь. Кто бы что ни говорил, но именно тогда закладываются основы нашего восприятия мира, характер и основные «программы», которыми мы руководствуемся долгие годы.

Но в 1987-м, когда я родилась, ни о чем таком я, конечно, не знала и не думала. Да и такого уж контраста жизни на разных берегах, какой есть сегодня, тогда не наблюдалось. Обычное детство позднесоветского ребенка, которому предстояло играть в куклы, пока вокруг сменялась эпоха, рушилось старое и как-то создавалось новое. И, конечно, ничего из этого нас, детей второй половины 80-х, тогда особо не волновало.

Что сказать о моей семье? Она была самой простой, как мне казалось тогда (да и сейчас кажется). У моей мамы я была вторым ребенком, у отца – первым и единственным. Когда я родилась, брату было уже 10 лет. Мама развелась с первым мужем и сразу же вышла замуж за моего отца. Как я понимаю, это было по большой любви. Мы с мамой никогда особо не затрагивали тему ее первого брака. Ни когда я была подростком, ни когда уже сама стала взрослой замужней женщиной. Между нами не было тех самых взаимоотношений «двух подруг», которые готовы делиться друг с другом самыми сокровенными переживаниями и у которых есть общие секретники. Наша история – про маму и дочь в самом привычном смысле. История, где последняя должна хорошо себя вести, учиться на «четверки» и «пятерки», не огорчать и не подводить первую. Пожалуй, так всегда и было. Даже в непростом переходном возрасте я старалась оставаться для мамы примерной дочкой. Поэтому мы и не затрагивали в разговорах неприятные для нее темы. Как первого развода, так и второго. Единственное, что я поняла для себя: от отца моего брата мама ушла относительно легко, потому что особо и не любила этого мужчину. Со вторым, то есть моим отцом, все было уже иначе.

Любое переломное событие из ранних лет способно не только отложиться в памяти, но и повернуть нашу жизнь в определенное русло. Повлиять на наши приоритеты и цели.

«Любите, девушки, простых романтиков, отважных летчиков и моряков...» Мама выбрала третий вариант. Он был моряком дальнего плавания. Его присутствие в моей жизни, да и в жизни всей нашей семьи, можно было сравнить с морзянкой – точка, тире, точка, тире. Три месяца он в рейсе, два – дома. Пожалуй, первое осознанное и потому отложившееся в памяти восприятие отца произошло у меня примерно в четыре года. Нередко в семьях роль «плохого копа» достается маме, из-за ее строгости. А роль «хорошего» – папе, который балует детей, причем порой втайне от мамы. Вне всяких сомнений, я была папиной дочкой. Отец был единственным во всей семье, у кого я готова была часами сидеть на коленях. Я всегда смотрела на него с неподдельным обожанием, потому что для меня он был самым настоящим героем. Даже немного сказочным героем. Как Синдбад, он ходил по морям, бывал в самых разных странах (преимущественно азиатских) и конечно же привозил нам с братом подарки. Такие, которых ни у кого во дворе не было. Наверное, я была одной из первых девочек в Благовещенске, у кого появилась Барби. В начале 90-х по телевизору каждое воскресенье показывали диснеевские мультсериалы, которые длились целый час. Между сериями обязательно была детская реклама – кола, вафли, шоколадки, игрушки. Когда другие девочки с восторгом и мечтанием смотрели на экранных кукол Барби, у меня уже был ее дом – еще один роскошный подарок отца. Вот оно, бесхитростное детское богатство. При этом наша семья жила средне.

Маленькой девочке сложно понять, почему папа больше не приходит домой и не проводит с ней время. А маме тяжело было объяснить это не только мне, но и самой себе.

Время, что отец проводил с нами дома, пролетало быстро, а потом начинались долгие дни в его ожидании. К такому ритму я привыкла и, возможно, поэтому сразу и не поняла, что он ушел от нас. Почему и как – до сих пор не знаю. Не было никаких прощальных разговоров, долгих переездов... Ничего такого. Просто он не вернулся из очередного рейса. То время для меня до сих пор как в тумане. Маленькой девочке сложно понять, почему папа больше не приходит домой и не проводит с ней время. А маме тяжело было объяснить это не только мне, но и самой себе. Я просто знала, что папа есть, что он жив, но больше не хочет нас видеть.

Когда мне было 6 лет, я заболела менингитом. Это было очень серьезно – меня положили в больницу. Как потом рассказывала мама, был большой риск того, что

я могу ослепнуть или стать глухонемой. Все то время, что я болела, мама постоянно спрашивала отца прийти и проведать меня. Она думала, что это придаст мне сил, позволит отвлечься. Наконец ей удалось уломать его – он все-таки приехал. Пришел в палату, немного посидел рядом с моей кроватью. Потом повязал мне на голову какую-то черную ленту с благословениями и ушел. В следующий раз я увидела его только в 16 лет.

Уже во взрослом возрасте я очень много прорабатывала тему отца с психологами. Да и до этого сама не один год билась над получением ответов, которые бы могли если не успокоить меня, то прояснить ситуацию с его уходом от нас. Но чем дальше в лес, тем больше дров. И до сих пор вообще ничего не понятно. На какие-то вопросы я смогла найти ответы, но куда больше вопросов так и подвисло в воздухе. В какой-то момент – о нем я расскажу чуть позже – я поняла, что больше не готова терзаться в поисках правды. «Очень трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если там ее нет», так что я просто решила снять с себя это бремя и не дописывать ту историю, которая никак не складывалась долгие годы. Нужно было просто перевернуть эту страницу и забыть.

Я понимаю, что мужчины нередко уходят из семей. Так было, так есть и так будет. Сами мужчины списывают это на «природную полигамность». Как по мне – не самое убедительное оправдание своим личностным слабостям и половым прихотям. Конечно, и сама женщина может создать в семье такие условия, что или в петлю, или за порог без оглядки. И я понимаю такой выбор мужчин и поддерживаю его. Особенно если они до последнего бьются за сохранение семьи и детей. Но у нас была иная ситуация. Не хочу заниматься морализаторством, но, глядя на все со своей «колокольни», я все же считаю так: какие бы причины ни были, мужчина не должен бросать своих детей. Отец должен присутствовать в их жизни, пусть уже и не на постоянной основе, но все-таки это его наследие, его плоть и кровь. А значит, своему ребенку нужно помогать расти и понимать жизнь, поддерживать его, общаться, учить и заботиться.

Очень трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если там ее нет.

Мужчина не должен бросать своих детей. Отец должен присутствовать в их жизни, пусть уже и не на постоянной основе, но все-таки это его наследие, его плоть и кровь. А значит, своему ребенку нужно помогать расти и понимать

жизнь, поддерживать его, общаться, учить и заботиться.

Не удивлюсь, если читатели-мужчины в этом месте немного поморщатся. Но я пишу эти строки с позиции долгожданного ребенка – мой отец, именно мой отец, больше всех ждал моего рождения. Повторюсь, для него я была первым и, как показала дальнейшая жизнь, единственным ребенком. В момент, когда я пишу эту книгу, у меня под сердцем бьется маленькое сердечко моего первого ребенка. И я просто не могу понять, как его жизнь, его существование могут не интересовать меня или Диму.

Это равнодушие со стороны отца было непонятно мне ни в 5 лет, ни в 15, ни сейчас. Именно равнодушие к жизни своего единственного ребенка. Не исключаю, что мама, особенно сразу после его ухода из семьи, могла как-то манипулировать мной из-за сильной обиды на отца. Но никогда не было такого, чтобы она унижала или проклинала при мне его или других мужчин. Она никогда не запрещала мне общаться с ним или видеться. Да и я сама не стала бы слушать ее в этом вопросе. Будь отец рядом, в Благовещенске, я бы тайком старалась встречаться с ним, созваниваться, переписываться. Что угодно, лишь бы поддерживать эту связь. Но почти сразу после разрыва он переехал жить на Сахалин, где обзавелся новой семьей. Все это время я видела, как мама сама нуждается в поддержке. Она осталась одна с двумя детьми. Ей пришлось очень резко поменять свою жизнь и научиться самой содержать нас с братом. Любая помощь от отца в тот момент была бы для нас нелишней.

И вот ведь какая штука. Уже будучи подростком, я простила отца за то, что он мог разлюбить маму и уйти от нее к другой женщине. То, что чувства могут закончиться, я к тому времени уже понимала. Но ведь я-то о нем думала постоянно с самого детства и не понимала, как он мог уйти от меня?! Почему он не видит, как я расту, каким человеком становлюсь, что мне интересно в этой жизни, как я учусь и с кем гуляю за руку?! Пытаясь разобраться в своей проблеме с отцом, я беседовала с разными людьми. И для себя отметила, что те, кого отцы оставляли в раннем, еще неосознанном возрасте, не имеют такой рефлексии по этому поводу. В их жизнях отцы играли лишь биологическую роль. Эти люди выросли без отцов, но при этом и без ощущения травмы. Без какого-то рубца на душе. Они стали хорошими людьми, а мужчины нередко еще и очень любящими и трепетными папами. Но чем старше ты становишься, тем больше тебе дается развод родителей. И совсем уж не повезет, если тебе где-то 8–10 лет. Мало того, что в этот момент в глубине души ты страдаешь, ты чувствуешь эту несправедливость, так еще и дети в этом возрасте могут быть очень

жестоки. У нас во дворе почти у всех были полные семьи. И не раз я чувствовала на себе эти издевки и презрение как к «брошенке». Мол, она какая-то неполноценная.

Когда мне исполнилось 13 лет, у мамы появился новый муж. Ни тогда, ни сейчас я не могу назвать его своим отцом. Но все это время я относилась и отношусь к нему с большим уважением, обращаясь только по имени-отчеству. С его появлением маме стало проще, да и наше финансовое положение заметно улучшилось. Отчим всегда был добр и внимателен ко мне. Но хоть мы и жили под одной крышей, для меня это был именно мужчина моей мамы. Я же продолжала жить с переживаниями о родном отце. Где он, как и что? Почему не справляется обо мне, почему не может приехать? Это не было какой-то идеей фикс. Это, скорее, было похоже на зубную боль. Ты можешь проснуться с ней, выпить таблетки и работать весь день, не думая об этом. Но стоит лишь ненадолго отвлечься – и вот она уже вновь напомнила о себе.

Но чем старше ты становишься, тем больше тебе дается развод родителей.

Когда я училась в 10-м классе, у меня наконец-то появилась возможность наладить взаимоотношения с отцом. Несмотря на то что я была уже достаточно взрослой, я смутно помню все обстоятельства той поездки на Сахалин. Возможно, ее инициатором опять была мама, сумевшая спустя столько лет достучаться до отца, чтобы он взял меня к себе на неделю. Когда я думала о причинах его многолетнего отсутствия, то раз за разом убеждала себя в том, что он сам находится в непростой ситуации. У него нет денег, чтобы приехать или просто как-то помочь нам.

В аэропорту Сахалина он встречал меня на большом японском внедорожнике. Я плохо разбиралась в автомобилях, но понимала, что этот – не из дешевых. Мы приехали в трехэтажный особняк. В нем отец жил со своей молодой женой, ее сыном и собакой. И мало того, что это была не та женщина, ради которой он бросил маму, так еще и ребенок был не от него. Представьте эту картину маслом: счастливая и обеспеченная семья, как с обложки, о которой я всегда мечтала и которой у меня никогда не было. С одной стороны композиции – мой отец с чужой женщиной и чужим ребенком, с другой – я, его единственная дочь, о которой он вспомнил лишь спустя 10 лет. И именно я была чужой на этом празднике жизни.

У отца я провела порядка пяти дней, хотя по факту – и того меньше. Целыми днями он пропадал на работе. Мы встречались утром (за завтраком) и вечером (за ужином). Раз или два он провез меня по городу, показывал достопримечательности. Он давал мне деньги со словами: «Сходи куда-нибудь, развлекись». Одна, в совершенно незнакомом городе. Конечно, я никуда не ходила. Все эти деньги я просто отложила и увезла домой, чтобы потратить на свои реальные нужды. Жена отца тоже работала, и поэтому практически все эти пять дней я просидела в одиночестве в их большом доме.

Помню, меня не покидало чувство того, что я здесь лишняя. Было ощущение, что я какой-то дальний родственник – уже и не вспомнишь, по чьей линии, – который нагрянул среди ночи погостить. Выгонять, конечно, никто не станет, но и общение будет сухим и немного натянутым. Так и вышло: за ужином мы говорили о погоде, работе, каких-то несущественных и пустых вещах. Не буду отрицать, что часть вины лежит и на мне – в той поездке я чувствовала себя скованно, неуверенно и была очень закрытой. Но посудите сами: в последний раз я видела отца в 6 лет, когда в тяжелом состоянии лежала на больничной койке. А в тот момент, в гостях, я была уже молодой девушкой, взросление которой прошло мимо него. Я искренне не понимала, о чем говорить с ним и как найти общие темы для разговора. Вероятно, он испытывал ту же самую неловкость. Вот мы и заполняли эту пугающую нас обоих тишину какой-то пустословной шелухой.

Каждый вечер, когда я ложилась спать в его доме, я внимательно прислушивалась: не идет ли он в мою комнату? Я искренне ждала, что он зайдет, сядет рядом и начнет говорить. Наконец-то объяснит, что же тогда произошло и почему он ушел от нас. Я смогу задать ему все вопросы, что тревожили меня эти десять лет нашей разлуки, и он даст на них ответы. И тогда, может быть, я обниму его, а он прижмет меня к себе, как когда-то в детстве. Но он не приходил. Конечно, я оправдывала поведение отца тем, что ему очень стыдно и он не может подобрать правильных слов, чтобы извиниться передо мной и перед мамой. Конечно, я считала себя взрослой и рассудительной, но эта наивность любящей маленькой девочки никуда не исчезла.

Надо отдать должное новой жене моего отца – она относилась ко мне достаточно благожелательно. Настолько, насколько позволяла ситуация. Мне неизвестно, когда она узнала о моем существовании – при знакомстве с отцом или за пару месяцев до моего приезда, но тем не менее я не чувствовала с ее стороны никакой скрытой агрессии. Она относилась ко мне нейтрально, просто

принимая факт моего существования и временного пребывания в их доме, чего не скажешь обо мне... Да, мы практически не общались с ней, но глубоко в душе я ревновала к ней. И за маму, и за себя. Я понимала, что именно эта женщина ни при чем в нашей истории с отцом. В конце концов, он бросил нас не ради нее. Но эта ревность, не воспринимающая доводы разума, напоминала о себе каждый раз, когда я видела их вместе с отцом. Когда видела, как они говорили друг с другом, как смотрели друг на друга.

Ведь порой женщины с чужими детьми могут вести себя, как дикие кошки – шипеть, скалить зубы и дыбить шерсть.

Вернувшись домой, я поняла, что благодарна этой женщине. Благодарна за то, что она не пыталась манипулировать отцом, не поддавалась такой же ревности. Ведь порой женщины с чужими детьми могут вести себя, как дикие кошки – шипеть, скалить зубы и дыбить шерсть. Но она приняла меня в своем доме. Не знаю, насколько безропотно, но за то время, что я гостила у них, мне ни разу не довелось услышать недовольных шепотков за спиной или ощутить на себе косых взглядов. Почему так? Возможно, потому, что она понимала – я ей не угроза. Следовательно, она знала или по-женски чувствовала его отношение к нашей семье, к маме, ко мне. Понимание этого пришло ко мне уже позже, когда я повзрослела. И все же я до сих пор благодарна ей за то, что она не стала вставать между мной и отцом, пытаясь оттолкнуть нас друг от друга. С этим, как показала жизнь, мы справились самостоятельно.

После того как я вернулась в Благовещенск, тема отца отпустила меня. Я знала, что он жив, не бедствует и, кажется, вполне счастлив без меня. Да, почти ни на один из вопросов, мучивших меня последние десять лет, я не получила ответа, но эта поездка на Сахалин словно отрезвила меня. Я уже не была так зациклена на фигуре отца как раньше. Однако это вовсе не означало, что все мои проблемы разом решились. Некоторые из них были на поверхности. Несмотря на то что каждый подросток в какой-то момент считает себя уникальным и особенным, на самом деле он очень хочет принадлежать к какой-то социальной группе. Почти все мои подруги были из обеспеченных и полных семей. Наша же – не скажу, что сводила концы с концами, но я видела, как мама во многом отказывала себе, чтобы ее дочь не чувствовала себя ущербной и обделенной. По крайней мере, так было до появления отчима.

Несмотря на то что каждый подросток в какой-то момент считает себя уникальным и особенным, на самом деле он очень хочет принадлежать к какой-то социальной группе.

Каждое лето мои подружки с семьями уезжали отдыхать, зачастую за рубеж. Я же слонялась по Благовещенску и, что называется, варилась в собственном соку. Лишь в 14 лет я впервые выехала в другую страну, до которой, напомним, было рукой подать. Вряд ли это можно назвать невероятным и длительным путешествием. Вместе с подружкой мы поехали в Хэйхэ – город, стоящий на противоположном берегу Амура. И все же для меня это было событием. Пусть и так близко от дома, но это были другая страна, другой язык, культура и быт. Это новые эмоции и впечатления, что во сто крат было лучше привычных улиц и кварталов небольшого Благовещенска.

Перед отъездом мама спросила меня: сколько денег тебе нужно? Я ответила: сколько сможешь. В итоге в Китай я приехала с пятью тысячами рублей. Тогда курс юаню к рублю был примерно 3 к 1. У меня на руках были не самые большие деньги, так что потратить их нужно было с умом. Уж точно не на развлечения. В Благовещенске было не так много брендовых магазинов. Большим спросом пользовались Nike и Adidas, а пиком мечтаний было одеваться в Benetton. Это могли позволить себе самые гламурные девочки из состоятельных семей, но не я. В моем распоряжении был Китай и его вещевые рынки, на которых нужно было подобрать себе хороший и красивый гардероб. Желательно сразу на несколько сезонов. Хоть Хэйхэ и был рядом с Благовещенском, я не могла ездить туда каждые выходные.

Тебе никто не поможет, кроме тебя самой.

И вот мы с моей подругой долгими часам ходили, выбирали, мерили, приценивались. Она ныла, почему все так долго, зачем мы раз за разом нарезаем круги. Но я к тому возрасту была уже самостоятельной и понимала одну вещь: тебе никто не поможет, кроме тебя самой. И уж если на фоне своих обеспеченных подруг я не хочу быть замухрышкой, а денег впритык – значит, будем нарезать круги, прицениваться, щупать, мерить и торговаться.

В этом смысле я заметно отличалась от многих своих сверстниц. Мне жизнь ничего не давала просто так. Вокруг меня были примеры противоположного. Например, мама одной из моих подруг окружала дочь такой заботой, что сама приносила ей в комнату чай и еду. Мне это казалось странным. Моя мама всегда говорила: делай все сама. Я хорошо понимала почему – она и так много работала, чтобы содержать нас с братом. И я не могла, придя со школы, сесть и ждать, когда вернется уставшая мама и встанет к плите, чтобы еще приготовить нам ужин. Все, чем я могла помочь ей, все, что могла сама сделать, я делала.

И это чувство постоянной нехватки, нужды сформировало мой характер: полагаться только на себя и постоянно стремиться к лучшему, ставить перед собой большие цели. Например, мои одноклассники обсуждали, чего хотят в будущем. Это, к примеру, как сейчас кто-то скажет: «Хочу себе Hyundai Solaris». Вот такая мечта. А я уже в 12-13 лет прекрасно понимала, что стремлюсь не к этому. Обычная машина у меня и так появится – я сама ее куплю, пусть буду пахать на двух или трех работах. Но это не мой предел, потому что я хочу раз за разом заглядывать за свой горизонт. Хочу постоянно быть в пути. Искать новое окружение, новые города и возможности. Уже тогда я понимала, что Благовещенск – это не то место, в котором я хочу встречать не то что старость, а даже свои двадцать лет. Маленькими были и сам город, и перспективы, которые он давал. Если, имея большие цели, ты не вырываешься из этого замкнутого пространства, то и твое мировоззрение неизбежно начинает сужаться, становится мещанским и местечковым. Если ты будешь чувствовать и осознавать это, но продолжать плыть по течению, то годам к 30 на тебя нахлынут депрессия и безнадега, которые окончательно потопят тебя в этом болоте.

Моя мама всегда говорила: делай все сама.

Это чувство постоянной нехватки, нужды сформировало мой характер: полагаться только на себя и постоянно стремиться к лучшему, ставить перед собой большие цели.

Я понимаю, что в этих словах многие могут почувствовать надменность. Ощущала ее и я, поэтому особо ни с кем не делилась этими мыслями, думая, что меня могут попросту не понять. Но поговорка «где родился, там и содился» точно не про меня.

Понимание и необходимую мне родственную душу я нашла в Диме. Мы с ним оба испытываем тягу к большему. Нет, это не жадность и стяжательство. Скорее, олимпийский девиз: «Быстрее! Выше! Сильнее!» Сегодня ты заработал первый миллион, а завтра уже хочешь десять. Не потому, что мало и золотая антилопа не должна прекращать бить копытом. Просто хочется раз за разом проверять свой предел и стараться забежать за горизонт. Буквально на днях мы вновь рассуждали с Димой: почему нам всегда всего мало? Сидя прямо за рулем, он приводит мне пример: «Вот едем мы сейчас в ламбе за 20 миллионов, а вот там роллс-ройс, в два раза дороже. Хочу ли я его? Конечно, да!»

Если, имея большие цели, ты не вырываешься из этого замкнутого пространства, то и твое мировоззрение неизбежно начинает сужаться, становится мещанским и местечковым.

Мы с Димой уже давно могли бы не работать и сами не вести бизнесы. Может быть, даже продать их – ведь на офисы, сотрудников, проекты мы тратим очень большие деньги. Продать все и обеспечить счастливую и безбедную жизнь себе и детям где-нибудь в уютном доме на теплом побережье. Но ведь для нас это будет финиш. А мы оба чувствуем, что наш самый большой результат еще так и не достигнут, что нам есть к чему вместе расти и стремиться. Через пару недель после того, как мы купили в Москве первую квартиру, на Павелецкой, Дима сказал мне: «Это не предел». Хотя, казалось бы, нам по 27 лет и в столице мы живем всего лишь два года.

Теперь же мы смотрим на город из башни в Moscow City и вновь оба понимаем, что и это не конечная остановка. Конечно, жить в достатке – это хорошо. Но все же наша с Димой цель не материальная, а идейная. Постоянно добивайся большего до тех пор, пока можешь. Это мотивация без мотивации. Нередко замужние женщины меня спрашивают: «Катя, как ты мотивируешь Портнягина к такой напряженной работе и постоянному росту ваших доходов?» Да никак. Он сам себя прекрасно мотивирует. Все, что требуется от меня как от его жены, – дать ему благоприятную атмосферу для его кипучей деятельности. Вся эта книга, так или иначе, будет посвящена тому, как, единожды взявшись за руки, мужчина и женщина могут вместе идти к успеху.

Постоянно добивайся большего до тех пор, пока можешь. Это мотивация без мотивации.

Но Дима появился в моей жизни, когда я уже была достаточно взрослой и самостоятельной. И, как мне кажется, я стала для него именно партнером по жизни, а не просто красивой девочкой, ради которой он должен совершать подвиги. Хотя сам он признавался мне, что долго не решался на отношения, потому что считал, что пока не может позволить себе «такую» девушку. А какую – «такую»? Да, еще в школе я была одной из самых популярных девчонок и со мной старались дружить все местные «светские львицы». Способствовали этому мои навыки общения. Еще в подростковом возрасте я поняла ценность связей, поэтому научилась быстро находить контакт и сходиться с интересными или нужными мне людьми.

Всего три ингредиента: простота, открытость и доброжелательность в общении. С хорошими навыками коммуникации стать «своим» было не так уж сложно. В итоге у нашей компании всегда была «проходка» мимо очереди и заранее заказанный стол. Это в Москве сегодня нет проблем с выбором места на вечер. Куча баров, ресторанов, клубов. Всегда есть свободные места – не здесь, так через десяток метров. Надоело в одном месте или хочется сменить атмосферу – всегда есть куда переместиться. В провинции с этим куда сложнее. Что уж говорить о начале 2000-х – тогда эта культура клубного отдыха только начинала развиваться в Благовещенске. Популярные места можно было пересчитать по пальцам одной руки. И туда шли все: и молодежь, и люди постарше. Так что если на входе тебе не махали с улыбкой, то стоять в очереди на улице можно было по полчаса или и того дольше.

От меня как от его жены, – дать ему благоприятную атмосферу для его кипучей деятельности. Вся эта книга, так или иначе, будет посвящена тому, как, единожды взявшись за руки, мужчина и женщина могут вместе идти к успеху.

Всего три ингредиента: простота, открытость и доброжелательность в общении.

Когда понимаешь, что в детстве тебе не выпал джекпот, то во взрослой жизни хочется большего и лучшего. Тогда и начинать надо рано, и надеяться только на себя, а значит, усердно учиться. В той же школе важные знания даются тебе

бесплатно. И их надо брать, чтобы во взрослой жизни не пришлось наворачивать, жертвуя чем-либо – временем или деньгами. Поэтому вместо того, чтобы во время уроков сплетничать на «галерке» или пересылать друг другу записки, я усердно вникала в каждый предмет вне зависимости от того, нравился он мне или нет. Я всегда сидела на первых партах, поближе к доске и учителю, чтобы ничего не упустить, и никто, и ничто не отвлекало меня от урока.

Я категорически не давала списывать, видя в этом какой-то обман. Во-первых, я ведь отвечаю только за себя, за свой результат, поэтому честно учусь, разбираюсь в предмете, сама делаю домашние задания. И жду того же от других. Это моя позиция: возможности у всех равные, другое дело – кто и как ими пользуется.

Когда понимаешь, что в детстве тебе не выпал джекпот, то во взрослой жизни хочется большего и лучшего.

Во-вторых, когда я слышала слова «дай списать», то воспринимала это как «отдай мне свое время, свои усилия и знания просто так». Для меня одной этой фразой все обесценивается. Сейчас у вас может возникнуть мысль: «Ну и вредная же ты была, Катя». А вот перенесите эту ситуацию во взрослую жизнь. Ваш коллега протусил все выходные, пока вы работали над важным отчетом. Через час – итоговая планерка, а он подходит к вам, еще немного помятый. Сперва увлеченно рассказывает, как отжигал с вечера пятницы до воскресенья, а потом так, между делом, говорит: «Слушай, дай быстро глазами пробежусь по отчету, чтобы было, что сейчас рассказывать». Поверьте, все это начинается со школьного «дай списать домашку».

При этом у моих одноклассников не было обиды на меня – я не была заучкой, задиравшей нос. Не дает списать, ну и ладно. Зато, когда нашему классу нужно было участвовать в каком-нибудь школьном мероприятии, я сразу вставала у руля. Начинала раздавать указания и распределять ребят по их ролям в команде. К этому привыкли достаточно быстро, и никто не оспаривал мое место «у руля», поскольку все получалось быстро и слаженно.

Школьный аттестат у меня был на «отлично», поэтому в университет я поступила без особых нервов и проблем. Там история повторилась. Я прилежно

училась в течение недели, пользовалась популярностью и умела отдыхать. На первой же неделе занятий один из пожилых преподавателей объяснил нам, что школа закончилась, здесь все гораздо серьезнее, и первые годы мы должны работать на зачетку, которая позже будет работать уже на нас. И действительно, три курса я училась с еще большим усердием, чем в школе. Позже я могла позволить себе немного расслабиться и даже пропускать какие-то пары, но только если уже полностью понимала предмет и могла показать его хорошее знание на экзамене.

Это моя позиция: возможности у всех равные, другое дело – кто и как ими пользуется.

В свое время я задумалась: а вот эти мои самостоятельность и стремление к большему и лучшему – не от того ли, что в 5 лет моя жизнь пошла по новому сценарию? А если бы я оставалась папиной дочкой, которую балуют и носят на руках? У которой есть отец, способный защитить и решить все проблемы? Что, если бы я выросла изнеженным и капризным цветком, неспособным выжить вне тепличных условий? Не знаю, какой бы была моя жизнь, если бы в детстве рядом со мной был отец или тот, кто смог бы заменить его фигуру, его роль в воспитании.

Да, у меня есть брат Дима. Как я говорила выше, он старше меня на 10 лет. Сейчас, когда мы уже оба взрослые, у нас весьма теплые и родственные отношения. Но в детстве этой близости не было – сказывалась существенная разница в возрасте. У нас не было и, наверное, не могло быть общих интересов, а потому и особой близости. Я просто была его маленькой сестрой, о которой он должен заботиться, а он – моим старшим братом, которого я должна слушаться. Он помогал маме и по хозяйству, и со мной. Возил на велосипеде в детский сад, присматривал во дворе, нянчился, когда мама задерживалась на работе или если ей нужно было уехать. Но из того периода я помню не так много, да и длилась наша жизнь под одной крышей недолго. Когда Диме исполнилось 18, он съехал от нас с мамой и стал снимать квартиру. Потом мы виделись преимущественно на каких-то общесемейных посиделках и особо не вникали в жизнь друг друга.

Когда я стала чуть постарше, то поняла, почему брат решил жить отдельно. Мы жили в двушке. Стандартной, советской, со всем ее классическим и

непритязательным набором: стенка, ковры, раскладной диван. Поскольку брат был старше, он жил в отдельной комнате. Я же жила вместе с мамой, в спальне. Уже тогда, в возрасте 7 лет, мне хотелось иметь какое-то личное пространство, где я бы могла поиграть, почитать, пригласить друзей или просто побыть одна. Но даже когда Дима съехал, и я перебралась в его комнату, я продолжала чувствовать сильный контроль со стороны мамы, вплоть до того, что дверь в мою комнату не закрывалась. Я не могла долго болтать по телефону, как и унести его к себе в комнату, или смотреть телевизор, если мама ложилась спать. А работала она много и часто уставала. Хорошо это понимая, я не спорила. Просто знала, что так будет не всегда и однажды у меня будут своя квартира и свои правила.

Я была очень благодарна маме за то, что она делала для нас. Да, мне всегда давали меньше денег, чем моим подругам. Да, мы никуда не ездили отдыхать, не ели деликатесы и одевалась я во многом проще, чем мои сверстники. Но я каждый день видела, как старается мама, как во многом она себе отказывает ради своих детей. Косвенно уход отца повлиял и на мое представление о роли женщины в семье. Я видела, как мама день за днем буквально прошибает своей головой стены, и потому выросла с представлением о том, что женщина может быть не только домохозяйкой.

Я видела, как мама день за днем буквально прошибает своей головой стены, и потому выросла с представлением о том, что женщина может быть не только домохозяйкой.

Скорее даже, я выросла с некоторым отрицанием такой роли. По крайней мере, для себя. Помню, когда мы с Димой, поженившись, переехали в Китай, я смогла просидеть дома только неделю и едва не сошла с ума от этого бездействия. После он еще несколько раз пытался усадить меня на мягкое и скучное место домохозяйки, но все это заканчивалось громким скандалом и его отступлением. Я видела, как, не жалея себя, работала наша мама, и для меня это стало примером. Нет, не загонять себя в кровавую пену, но не бояться труда и не отлынивать, прикидываясь слабым полом.

Сперва мама устроилась работать в ателье, бухгалтером. В 90-е годы в Благовещенске не пробовал челночить только ленивый. Мама тоже решилась. Она стала ездить в Китай, привозила одежду. Все вещи продавала своим

друзьям и знакомым. Когда удалось подкопить денег, она сняла небольшое помещение на центральном рынке и занялась торговлей уже там.

Немного позже она познакомилась с Николаем Ивановичем, своим нынешним мужем. У него тогда уже был свой довольно успешно развивающийся бизнес по продаже сантехники. Сперва мама просто помогала ему по финансовым вопросам. У них закрутился роман, после чего они уже начали работать вместе. Она отвечала за бухгалтерию, открытие новых точек и управление магазинами. Вот тогда финансовый уровень нашей новой семьи заметно вырос.

В старших классах я уже не чувствовала такой глобальной разницы между мной и моими подругами как раньше. Дело в том, что я изначально ходила в одну из лучших школ города – туда своих детей отдавали состоятельные семьи. Нам же просто повезло жить с ней рядом. Да, мама с отчимом неплохо зарабатывали, но и только. Мы не жили на широкую ногу, в отличие от многих моих одноклассников, чьи родители могли на лето отправить на Мальту или в Англию – в летнюю языковую школу. Для нашей семьи это казалось чем-то сверхъестественным. И еще долгое время моей за границей был только соседний Китай.

Я видела, как, не жалея себя, работала наша мама, и для меня это стало примером. Нет, не загонять себя в кровавую пену, но не бояться труда и не отлынивать, прикидываясь слабым полом.

Когда я была на втором курсе университета, мама с отчимом купили землю в Анапе, построили дом и переехали туда жить. Сперва мама хотела, чтобы я поехала с ними и продолжила учиться там. Но мне, как ни странно, не хотелось уезжать, хотя в детстве я была уверена – в Благовещенске я не задержусь. Но в тот момент ни семья, ни теплый климат и море не смогли меня убедить. Мне нравилась моя учеба, здесь жили все мои друзья, уже были романтические отношения. В итоге мама согласилась, чтобы я осталась здесь. Конечно, ей это решение далось нелегко. Оторваться от собственных детей! Как же они будут здесь одни? Но я успокаивала ее тем, что благодаря ее воспитанию я самостоятельная и разумная девушка. И маму в этом смысле я не подвела.

Да, у меня была собственная двухкомнатная квартира на втором курсе, когда мне еще не было и 20 лет. Когда можно было всю ночь гулять с друзьями, а

утром как ни в чем не бывало бежать на пары. Но я не ударилась в загулы, не собирала у себя дома большие и шумные компании. Жила одна, довольно спокойно, но с невероятным чувством свободы. Двушка, которая в детстве казалась такой маленькой и тесной, сейчас казалась чуть ли не просторным дворцом. В первое время это ощущение полной самостоятельности даже опьяняло. Я принадлежала сама себе, никто не контролировал. Сама решала, что буду есть, в чем буду ходить, как расставляю мебель, кого смогу позвать в гости.

При этом Дима – первый и единственный мужчина, с которым я стала жить под одной крышей, и произошло это только после того, как мы поженились и уехали работать в Китай. В студенчестве за мной всегда старательно ухаживали молодые люди. И до знакомства с Димой, и в тот период, когда мы просто дружили и не думали встречаться. Многие мои воздыхатели были довольно успешными людьми (по меркам Благовещенска), но свой выбор я ни на ком не останавливала. Одно, максимум два свидания. Во-первых, не было такого страстного запроса на отношения. Во-вторых, большого интереса эти кавалеры не вызывали.

Почти за каждым парнем тогда чувствовалась попытка меня купить. Сейчас я понимаю, что это глупость. Парни просто хотели сделать мне приятное. Но я строго пресекала такие вещи, хотя часто они предлагали то кофточку, то часики, то сотовый телефон или какие-то иные «подарки». Я отказывалась их принимать, считая, что это будет меня к чему-то обязывать. И, как понимаю, расчет большинства мужчин был именно на это. В конце концов, если мне нужен был новый телефон, я нашла бы способ купить его самостоятельно, не будучи при этом обязанной никому, кроме самой себя. Я считала и считаю, что любимый человек – это не тот, кто будет тебя содержать и опекать, а тот, с кем ты будешь чувствовать себя целостной и счастливой. Да, подарки – это приятный способ проявить внимание и заботу. Но если мой муж чего-то не может или не хочет мне дать – о'кей, не вопрос, я заработаю на это сама или мы сделаем это вместе.

Я считала и считаю, что любимый человек – это не тот, кто будет тебя содержать и опекать, а тот, с кем ты будешь чувствовать себя целостной и счастливой.

Как я уже говорила, уход отца нанес мне сильную травму, степень которой маленький ребенок осознать не в силах. Но именно в эту полученную рану начинают попадать плохие семена, которые затем вырастают в сомнения и

комплексы. Выкорчевывать их приходится уже в зрелом возрасте с неимоверными усилиями. Потеря отца находила отражение в самых разных сферах. Так, еще будучи подростком, я поняла, что меня совершенно не интересуют мальчишки-сверстники. Меня тянуло к мужчинам, которые были старше меня. Не знаю, может быть, так из глубин подсознания напоминала о себе маленькая девочка, недополучившая отцовской любви и внимания. И хотя я довольно быстро приучила себя к самостоятельности, я понимаю, что всегда старалась найти в мужчине какую-то опору, какую-то прочность.

Мой первый молодой человек был старше меня на три года. Сейчас это и разницей-то не считается. Но для молодой девочки, только вчера окончившей школу, это был огромный разрыв. Тем более что я была первокурсницей, а он предпринимателем, уже успевшим крепко встать на ноги. Для нашего приграничного региона вообще была типична эта схема «купи-продай», поэтому бизнесом разной степени серьезности занимался здесь если не каждый второй, то третий точно. И вот с одним из таких парней я начала встречаться. Не могу сказать, что я в него влюбилась, но меня подкупила его взрослость и самостоятельность в сравнении с его ровесниками. Парень он был хороший, очень «прикладной». Человек-ремесленник. Зарабатывал достаточно хорошо и у девушек пользовался популярностью. Как говорили некоторые мои подруги, не особо скрывая зависть: «Повезло же тебе, Катя, сразу такого мужика отхватить. За ним, как за каменной стеной, теперь будешь». И они были правы насчет стены – довольно скоро я поняла, что в этих стенах мне становится тесно.

И хотя я довольно быстро приучила себя к самостоятельности, я понимаю, что всегда старалась найти в мужчине какую-то опору, какую-то прочность.

Мой мужчина, несмотря на молодость, был весьма обстоятельным и имел уж слишком серьезные взгляды на жизнь и планы на меня. Была в этом всем какая-то неестественность. Словно старика заперли в теле юноши. Я видела, что его устраивают и его дело, и уровень достатка, и то, как сложилась его еще только начинающаяся жизнь. Ему не надо было большего. С каждым днем я все отчетливее ощущала пропасть между нами. Нас не связывали общие интересы, оказалось, что нам особо не о чем разговаривать. При этом мой молодой человек уже решил, что я буду его женой, и видел меня хранительницей домашнего очага, которая трепетно и смиренно сидит дома и ждет возвращения своего ненаглядного мужа, чтобы потом весь вечер сидеть возле него, хлопотать и

обслуживать, почитая это за высшую радость и смысл жизни. Может быть, для кого-то это и есть счастье. Но точно не для меня, и уж точно не в те годы. Я была молода, я стояла во главе огромной компании веселых подружек, я хотела чувствовать жизнь, ее ритм и динамику. Я хотела сполна ощутить это безграничное и безумное чувство свободы и молодости, доступное нам лишь на очень ограниченном отрезке времени. Между домостроем и личной свободой я, не задумываясь, выбрала второе – и мы расстались.

Тогда же я поняла для себя одну важную вещь о человеке, с которым хочу быть вместе. В нем изначально не должно быть некой незыблемой надежности, которую так и не смог мне дать отец. У него должно быть желание развиваться, должны быть амбиции и стремление к росту, готовность рисковать. А я, как его женщина, должна поддерживать его в этом всем. Я должна быть тем прочным тылом, от которого он раз за разом сможет отталкиваться, чтобы совершать рывки вперед. Возможно, именно поэтому я и дала шанс парню Диме Портнягину, который был тогда обычным охранником в магазине.

После моей поездки на Сахалин, которая избавила меня от многих переживаний насчет отца, мы с ним долго не общались. Он никак не напоминал о себе, а я больше не стремилась влезать в его жизнь. Однако когда Дима сделал мне предложение и мы назначили дату торжества, я написала отцу: «Папа, я выхожу замуж. Приглашаю тебя на нашу свадьбу». Он поблагодарил, но не сказал, что приедет. И не приехал. И даже не позвонил, чтобы сказать об этом. Я ждала его появления до самого конца свадьбы.

В следующий раз он совершенно внезапно сам ворвался в мою жизнь. Причем, думаю, внезапно для нас обоих. Это было в день моего 30-летия. Я готовилась к приему гостей, была вся в хлопотах. Вдруг звонит телефон, номер незнакомый. «Катя, это папа! С днем рождения! Здоровья, счастья, благополучия!» Я просто потеряла дар речи и едва смогла сказать «спасибо». Весь разговор длился не более минуты, но еще на долгое время у меня внутри будто застряли эти слова: «Катя, это папа». Слишком уж резонировали они с моим привычным состоянием.

Я должна быть тем прочным тылом, от которого он раз за разом сможет отталкиваться, чтобы совершать рывки вперед. Возможно, именно поэтому я и дала шанс парню Диме Портнягину, который был тогда обычным охранником в магазине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/portnyagina_katya/zhen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)